

Материалы к культуuroгенезу волго-уральских татар:
финно-угорский тренд в структуре народного костюма

С.В. Сулова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Фактологическую базу публикации составляют типологические и картографические материалы Историко-этнографического атласа татарского народа (том «Народный костюм») и проведенное на их основе этнокультурное районирование с выделением трех самобытных ареалов. Сравнительно-исторический (синхронный и диахронный) анализ структурных элементов костюма, особенностей его декора позволяет констатировать, что финно-угорский компонент составляет один из важных по этнокультурной наполненности трендов в культуuroгенезе волго-уральских татар. Он ощутим в казанско-татарском костюмном комплексе, особенно в сельских его вариациях, в комплексах одежды крещеных татар Центрального этнокультурного ареала. В Западном ареале финно-угорская составляющая также очевидна во всех комплексах, особенно в Сергачском костюме. Однако в наибольшей степени финно-угорские, самодийско-угорские традиции обнаруживаются в Зауральском комплексе татарской одежды Восточного этнокультурного ареала, обусловленные этнокультурными контактами тюрков и финно-угров в Волго-Уралье и опосредованными через башкир сибирскими обско-угорскими, угро-самодийскими связями.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, татары, финно-угорские народы, костюм, декоративно-прикладное искусство

Для цитирования: Сулова С.В. Материалы к культуuroгенезу волго-уральских татар: финно-угорский тренд в структуре народного костюма // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.80–92. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.80-92>

Экспедиционные, музейные и архивные материалы Историко-этнографического атласа татарского народа позволили осуществить этнокультурное районирование этноса [29]. Районирование проводилось при использовании известных методов этнографического картографирования и типологии элементов традиционной татарской культуры – различных отраслей материальной и духовной культуры (хозяйства, ткачества, костюма, годового цикла обрядов). Народный костюм, включая покрой верхней и нижней одежды, конструкцию и декоративное оформление головных уборов, обуви, матерчатых и ювелирных украшений, является наиболее репрезентативной категорией традиционной культуры. Аккумулируя в себе опыт целой этнической общности, народная одежда носит ярко выраженный этнический характер, ярко демонстрирует сложение к середине-концу XIX в. своеоб-

разных этнокультурных ареалов, демонстрируя многообразие и богатство культуры этноса. По материалам этой категории культуры в Волго-Уральском регионе автором выделены этнокультурные ареалы (Западный, Центральный и Восточный), каждый из которых по основным типологическим параметрам костюма имеет общую основу [25, с.78–208]. В середине XIX в. обозначенные ареалы характеризовались включением в свой состав ряда костюмных комплексов (КК), в формировании которых в той или иной степени участвовали различные по происхождению финно-угорские компоненты. Финно-угорские, угро-самодийские реалии в татарской народной одежде в целом достаточно ощутимы. В КК Западного, Центрального и Восточного ареалов они ощущаются не однозначно, что объясняется особенностями этнической истории локальных групп этноса.

Финно-угорская составляющая в КК Западного этнокультурного ареала. По материалам атласа в Западный этнокультурный ареал вошли уезды бывших Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской и Рязанской губерний [24, с.254–258]. Очевидной причиной вычленения ареала явилось присутствие во всех его ареалообразующих КК специфических «мишаризмов», характерных для костюма татар-мишарей обозначенной территории. Наиболее выразительными из них можно, например, назвать тастарный комплекс головного убора и особое «мишарское» золотное шитье, выявленное Л.Ф. Фасхутдиновой в результате анализа этнолокальных технико-орнаментальных особенностей татарского золотошвейного искусства и опубликованное ею в журнале «Этнографическое обозрение» (2015, №4).

Финно-угорский компонент является значительным в структуре КК этого ареала, особенно в Сергачском, Темниковско-азеевском и Кузнецко-хвалынском. Так, в *Сергачском* (ряд уездов Нижегородской и Симбирской губерний) – одном из наиболее сложных и самобытных комплексов, переработаны в оригинальный художественно завершенный ансамбль совершенно разные по происхождению как тюркские, так и финно-угорские этнические напластования. Налицо, к примеру, древнетюркские, кипчако-ногайские традиции: оригинальный волосник *башкигец* – аналог древним формам волосника *кимешек* казахов и каракалпаков, астраханских татар, ногайцев или сохранившийся до середины XX в. у пожилых женщин тюрбанообразный тастарный комплекс головного убора. Древние обско-угорские традиции особенно ощутимы в декоративно-художественном оформлении комплекса: в специфической аппликации (лоскутный узор) на нижней женской одежде – рубаше, нагруднике *кукрэк*, на головных покрывалах *тастар* и волосниках. Здесь преобладала женская пестрядинная в клетку рубаша, которая называлась *юле кулмэк*. Она резко отличалась от рубах других групп татар Западного ареала наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок на груди, плечах, рукавах и подоле. Любопытно мнение по этому поводу Р.Г. Мухамедовой – известного исследователя традиционной культуры татар-мишарей [15, с.93–94], которая не без основания считает,

что не только декор, но и покроем сергачской рубахи *юле кулмэк* сохранил на себе следы традиционного кроя меховой одежды сибирско-угорских этносов. Мех, как известно, не дает возможности раскроя одежды из цельных перекинутых через спину шкур. Поэтому верхняя меховая одежда, например ненцев, хантов, манси, в целом имеющая туникообразный покрой, составлялась из нескольких шкур, как и *юле кулмэк*, кроеная и декорированная из отдельных фрагментов ткани. Заметно ощущаются средневековые и более поздние влияния местных финно-угорских народов. В частности, тот же волосник *башкигец* в плане декора имеет близкие аналогии в головных платках удмуртов *куньсерго*, которые также украшались кумачом, кусочками ситца и обшивались бахромой [4, с.67].

В Темниковско-азеевском комплексе, преобладающем в основном на территории проживания так называемых ч-окающих мишарей, наиболее ранние элементы костюма связаны со степными тюрко-ногайскими культурами Средней Азии и Казахстана. Любопытно, однако, бытование здесь рубах однотипных с рубахами чувашей – анатри. Это сходство видим в покрое, цветовом предпочтении (белые), в характере декоративного оформления рубах (оттенение продольных швов красной тканью). Как и у чувашей, темниковско-азеевские рубахи вдоль грудного разреза, у плеча и обшлагов рукавов украшались красной вышивкой в технике «мелкий крест» (счетной вышивкой по разреженному холсту или «косым стежком»). У чувашей «косой стежок» носил название «хантыйский шов» [2, с.44]. Большинство исследователей технику «косого стежка», особенно широко бытовавшую у башкир, связывают с восточно-финскими и обско-угорскими традициями [19, с.305; 1, с.100; 17, с.201], связанными в свою очередь с переднеазиатскими [28, с.13]. Более поздними являются элементы комплекса, связанные с финно-угорскими традициями местного характера. Налицо, в частности, этнокультурное влияние мордвы. Интересны параллели в традиционной обуви. Лапти с большой головкой «косого» плетения, с низкими бортиками и кручеными ушниками мишари называли мордовскими. Их носили в комплекте с вязаными на спицах белыми чулками, вошедшими в бытовую культуру мишарей под влиянием соседних финно-угров. У большинства тюркских народов Евразии вязание чулок не практиковалось, в том числе и у казанских татар, у которых это заимствование было достаточно поздним явлением. В то же время крещеные татары вязали их даже на продажу.

Основные структурные элементы **Кузнецко-хвалынского КК** также связаны с тюркским миром Евразии, с общенациональными традициями костюма волго-уральских татар. Его специфика заключается в особенностях декоративно-художественного оформления костюма: в применении высокохудожественной гладьевой техники золотного шитья. Этой техникой декорировались нижние головные уборы *салавыч*, бархатные чехлы для кос, концы полотенеобразных тастаров, верхние бархатные нагрудники *алныча* и др. Однако угорский след просматривается не в технике золотного шитья, а в его архаичной орнаментике. Это парные спиральные

завитки, S-образные знаки, листовидные отростки и особенно широко распространенный в золотом шитье мишарей мотив, известный как «вихревая розетка» с характерной «закрученностью» лучей от ее центра. Подобные, имитирующие солнце и солнечное сияние узоры – «солярные знаки», по мнению С.В. Иванова, особенно широко были известны угросамодийским этносам Западной Сибири [9, с.274, 280, 294].

В Касимовском КК очевиден дифференцированный подход к уяснению генезиса его городских и сельских вариаций. Городские вариации были практически идентичны городским казанско-татарским КК, отражающим тесные этнокультурные связи ханской знати в период средневековья и в Новое время (см ниже). Формирование же сельских вариаций по ряду параметров совпадает с генезисом Темниковско-азеевского комплекса, восходящего, с одной стороны, к разным по происхождению тюркским традициям, с другой – к ранним и поздним традициям финно-угорских народов [27, с.66–85].

Финно-угорский компонент в КК Центрального этнокультурного ареала. Центральный ареал включает в основном территорию проживания референтной группы этноса. Неслучайно он характеризуется преимущественным функционированием в его пределах КК, связанных с традициями производства, структуры и декоративного оформления костюма казанских татар. Центральный ареал отличается достаточной целостностью и однородностью с точки зрения распространения в нем единообразных покроев, форм, аксессуаров, художественных особенностей оформления костюма – всего того что идентифицирует собой яркую этническую символику татарской нации. По материалам атласа казанско-татарские КК, к которым относятся и Пермский комплекс, выявлены в уездах Казанской, Вятской, Самарской, частью Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний [25, с.78–208].

Казанско-татарский КК. При выявлении финно-угорской составляющей в казанско-татарском комплексе этого ареала пришлось констатировать факт различной ее наполняемости в структуре и декоре городского и сельского костюма казанских татар. *Городской казанско-татарский КК* бытовал у татарской знати, проживающей не только в Казани, но и во многих других городах Волго-Уральского региона – в Нижнем Новгороде, Касимове, Уфе, Перми, Оренбурге и др. Его формирование связано с художественными и ремесленными традициями более ранних средневековых тюрко-татарских государственных образований с достаточно развитой городской культурой. Об этом, в частности, может свидетельствовать роскошный городской комплекс ювелирных украшений казанских татар, типологически и технологически связанный с ювелирными традициями тюрко-исламского мира. Финноугорские заимствования в городском костюме менее ощутимы; они просматриваются в основном на материалах декоративного оформления костюма, в некоторых орнаментальных мотивах городских художественных ремесел. К таким мотивам исследователи относят, например, мотив парных и непарных птиц (уток, голубей) [5, рис.146–149] – наследие болгарской культуры, который, в свою очередь, был заимствован булгарами у финно-

угров [8, с.87]. Мотив часто использовался в болгарском и казанско-татарском ювелирном искусстве, позже он закрепился и в арсенале золотой вышивки казанских татар [26, с.82]. Финно-угорский след очевиден и в области городских казанско-татарских ювелирных технологий. Это так называемое *литье по восковой модели*, которое имело место в ювелирной практике казанско-татарских мастеров. Чаще применялась оригинальная разновидность такого литья – литье по выплавляемым плетеным моделям, визуально напоминающее витые из проволок (*восковое вязание*). Так изготавливались браслеты, наконечники, которые встречаются в татарских коллекциях Национального музея Республики Татарстан, Российского этнографического музея. Образцы таких технологий – литые татарские наконечники *чулты*, были представлены на Всесоюзной выставке 1923 г. в Москве. Технологически и визуально они согласуются с литыми наконечниками, широко распространенными у средневековых финно-угорских, особенно марийских племен Волго-Камья, которые были изучены и описаны пермским археологом Н.Б. Крыласовой [11, с.61–73].

Литье по восковой модели разной степени сложности издревле было характерно для соседних финно-угорских народов края. С IX–X вв. оно широко представлено в марийских [16, с.142–147], удмуртских археологических древностях [10, с.119–120]. В целом исследователи сходятся во мнении, что кропотливая техника *литья по восковой модели*, в том числе плетеной (*восковое вязание*), была широко распространена на северо-востоке Европы с распространением моды на шумящие подвески, характерные для финно-угорских племен в средневековье [20, с.88–91]. Известно, например, что литейные формы для изготовления таких украшений обнаружены археологами на Билярском городище (в столице домонгольской Булгарии) [12, с.84–100].

По сравнению с городским комплексом, *Казанско-татарский сельский КК* при своем формировании в значительно большей степени испытал влияние этнокультурных традиций финно-угорских народов Волго-Камья. Это объясняется наличием не только древних, но и более поздних исторических и культурных связей и в эпоху Средневековья, и в период вхождения народов края в состав централизованного Русского государства.

Мы, например, полагаем, что основным районом формирования и наиболее раннего бытования этноспецифического головного убора казанских татарок, является Заказанская часть Предкамья. Миниатюрный калфак с высоким выступающим вперед околышем, как и специфический волосник с твердой выступающей налобной частью проживающих здесь кряшен, генетически восходят к так называемым рогообразным женским уборам соседних финно-угорских этносов, в том числе, населяющих и Предкамье. Пробразами таких уборов являются миниатюрные рогообразные уборы типа марийских *чурик* и, вероятно, уборы крупных каркасных форм, наподобие мордовских *панго*. К финно-угорским и русским традициям относится использование браной (выборной) техники ткачества при декоративном оформлении сельского костюма: полосками выборной

ткани часто украшались женские передники так же, как это было принято у марийцев, удмуртов и мордвы. Общим с поволжскими финнами был комплекс женских украшений. Сельский комплекс, как и кряшенские вариации костюма (см. ниже), сопровождали, главным образом, монетные украшения, часто на матерчатой основе. Одним из самых оригинальных и специфических украшений казанских татарок является перевязь *хаситә*, которая известна в разных вариациях и по форме матерчатой основы, и по декору (ювелирные и монетные образцы). Сельский вариант перевязи был «монетным». В отличие от городских ювелирных образцов, которые обычно сопровождались мусульманским амулетом-коранницей, на монетных перевязях сельчан они отсутствуют, выполняя, скорее, декоративную функцию с признаками языческого амулета, о чем могут свидетельствовать раковины *каури*, которые нередко сопровождали такую перевязь и что особенно было характерно для финно-угорских монетных перевязей.

В отличие от казанских татар Центрального ареала, костюм которых в целом отличался достаточной однородностью составляющих его элементов, у проживающих здесь кряшен вариативность была более ощутимой, что позволило выявить три ареалообразующих КК (заказанско-западно-закамский, елабужский, и молькеевский), по многим параметрам тесно связанных с сельским казанско-татарским. Исключение составляет молькеевский комплекс (условно чувашский).

Финно-угорский компонент в костюме кряшен очевиден, особенно в Заказанско-западно-закамском и Елабужском комплексах, по многим параметрам тесно связанных с сельским казанско-татарским. Значительная общность с финно-угорскими реалиями наблюдается в головных уборах: свадебное покрывало заказанских кряшен *тугәрәк яулык* представляет собой то же, что и южно-удмуртское свадебное покрывало *сюлык*. Оно близко по ряду признаков к свадебным покрывалам *сюлык* восточных марийцев. При сравнительном сопоставлении находим много общего не только в исполняемой ими функции, но и в цветовой и орнаментальной композиции, в архаичных приемах вышивального искусства (ковровый шов), обязательном окаймлении платка бахрамой. Сопоставимы с финно-угорскими рогообразными уборами и нижние головные уборы кряшен – волосники с твердым налобником, как и маленькие «рогообразные» сельские калфачки казанских татар.

Особая общность с костюмом местных финно-угорских народов – марийцев, удмуртов – наблюдается в использовании в декоре костюма так называемого «монетного» комплекса украшений. Она заключается в идентичности отдельных типов шейно-нагрудных украшений на матерчатой основе (нагрудников, перевязей), в декоративном их оформлении преимущественно монетами, раковинами *каури*.

Финно-угорский, в том числе и сибирско-угорский компонент, в традиционной одежде кряшен усматривал известный исследователь их материальной культуры, этнограф Ю.Г. Мухаметшин. Им выявлена и опубликована масса аналогий в материалах, покроях, терминологии верхней рас-

пашной одежды (*чыба, сыба*), в использовании для ее декора аппликации (лоскутный узор), в головных уборах, обуви [14, с.99–127].

В процессе историко-культурного взаимодействия тюркских и финно-угорских этнических традиций этнокультурный синтез выразился в формах, декоре традиционного костюма, иллюстрирующих их общерегиональный характер. В Волго-Камье сложился во многом единый сельский костюм, который и тюркские, и финские этносы считали своим, что является свидетельством определенной культурной общности этих народов.

Пермский КК. По материалам этнокультурного районирования этот комплекс был распространен в уездах Пермской губернии, за исключением самых восточных и прилегающих к ним северных уездов Уфимской губ. По основным структурным элементам костюма этот комплекс, безусловно, является казанско-татарским. Это покроем верхней и нижней одежды, основные типы покрывалообразных и калфакообразных головных уборов, кожаной обуви (кожаная мозаика), женских украшений, в состав которых входили и специфические ювелирные типы украшений. Подчеркнем, что *Пермский комплекс* включал в себя наиболее архаичные типы и элементы, которые в костюме референтной группы Центрального ареала к рубежу XIX–XX вв. практически не встречались, о чем говорят экспедиционные данные конца прошлого века. К таким архаичным типам относим женскую рубаху с цельным туникообразным остовом *татаи толыплы кулмак*, льняную приталенную мужскую и женскую верхнюю одежду *чыба*, бытовавшую в середине XIX в. у казанских татар Заказанья и особенно у *кряшен чува*, у которых она часто использовалась в обрядовой одежде. Из калфакообразных головных уборов следует отметить *ак калфак*, который надевался в комплекте с налобной повязкой *укалы битлек*, аналогичной казанско-татарской и *кряшенской ука-чачак*. Это и казанско-татарские типы ювелирных украшений (филигранные и чеканные воротниковые ожерелья *яка чылбыры*) и мозаичной обуви и др.

Финно-угорские, сибирско-угорские аналогии прослеживаются в некоторых архаических типах верхней одежды Пермского комплекса. Преобладающим покроем верхней одежды волго-уральских татар в целом был приталенный. Однако, у пермских татар под названием *букавтан* бытовала и прямоспинная туникообразная с боковыми клиньями верхняя одежда, характерная для угорских народов Западной Сибири, аналогичная и терминологически – *вюкавтан*. Оригинальной вариацией пермской нагрудной броши была *тэнкэле булавка* из мелких монет (часто серебряных с позолотой), прикрепленных к дугообразной булавке с цепочкой, украшенной подвесками из таких же монет. Подобные броши также присутствуют в Сельском казанско-татарском комплексе и в Заказанско-западно-закамском костюме *кряшен*. Внешне и функционально они согласуются с нагрудной фибулой – непременным атрибутом древнего и средневекового костюма финно-угорских этносов региона.

Угро-самодийские мотивы в КК Восточного этнокультурного ареала. Восточный ареал представляет в данном контексте особый интерес.

В него частью входят восточные уезды Уфимской, Пермской, Оренбургской губерний. В Восточно-арее, весьма сложном в этнокультурном отношении, значительной, особенно угро-самодийской, составляющей характеризуется *Зауральский КК* [24, с.256], который типологически и по особенностям декора слабо вписывается в структуру татарского костюма. Анализ этнокультурного содержания комплекса – особенностей покроя одежды, способов ее декоративно-художественного оформления – указывает на определенную общность с костюмом сопредельных башкир, также проживающих в Зауралье и горной Башкирии [13, с.235; 23, с.45; 21, с.111].

К общим с башкирскими реалиями относится прямоспинный туникообразный с боковыми клиньями покроем верхней одежды, характерный для самодийских и угорских народов Западной Сибири [18, с.21], украшение ее ленточной аппликацией, металлическими бляхами и монетами. С.В. Иванов связывает эти элементы декора с солярной символикой, особенно широко известной угорским и самодийским этносам Западной Сибири [9, с.274, 280, 294]. Верхняя одежда зауральских татар и особенно башкир, как правило, не имела застежек и носилась нараспашку. Непременным атрибутом, сопровождающим комплекс, как и у башкир, выступал большой на суконной стеганой основе, покрытой обычно красной тканью, нагрудник *селтар*, сплошь зашитый кораллами и серебром. Верхний край нагрудника – в форме воротника нередко украшался, кроме кораллов и раковинами, каури – распространенным у финно-угров языческим амулетом. На нагрудники, поверх кораллов нашивались серебряные бляхи, монеты. Подвесками из монет, своеобразной коралловой бахромой («плетеная косая сетка») декорировался низ этого богатого украшения [22, с.123]. Основным элементом декоративного оформления составляли, как видим, кораллы; использовался, чаще у башкир, и бисер, а узор «косая сетка», как и сами элементы декора, исследователи относят к финно-угорским приемам декора [9, с.81]. В целом, в распространении комплекта в виде распашной верхней одежды и большого нагрудника выдающийся этнограф Г.М. Василевич основную роль отводил эвенкам (тунгусы), а само украшение – составным элементом костюма угорских народов с древности [6, с.46]. Зауральские башкиро-татарские нагрудники *селтар* также сходны с эвенкийскими ровдужными нагрудниками, о чем пишет в специальном издании известный исследователь башкирской одежды С.Н. Шитова [3, с.12].

В Зауралье были распространены архаические виды обуви, также связанные с финно-угро-самодийским миром. Характерным было сочетание в обуви материалов животного происхождения с тканью. К такой обуви относим башкиро-татарские *сарык* с подошвой и головкой из сыромятной кожи и длинными суконными голенищами, которые подвязывались специально изготовленными плетеными шнурками *куныс бау* из зеленых и красных шерстяных ниток. Суконные голенища пришивались к кожаной заготовке толстокручеными конопляными нитями ровным наметочным швом. Мужские и женские *сарык* по принципу кроя не отличались. Вариативность наблюдалась лишь при их декоративном оформлении. Женские

сарык, как и у башкир [28, с.21], могли украшаться бисером или поперечными полосами зеленого, красного, синего сукна, ситца. Этот тип обуви больше бытовал у женщин, мужчины-татары в большинстве случаев предпочитали носить кожаные ичиги. Сапожки с тканевым голенищем традиционно использовались у хантов, манси, кетов, селькупов [7, с.58].

Связанная с финно-угорским миром меховая обувь у татар Зауралья представлена одним типом. В районах Зауралья, особенно в северных уездах Пермской губернии, в Златоустовском уезде Уфимской губернии в качестве бытовой охотничьей одежды бытовали *көнжырыйк* – обувь из невыделанной шкуры домашних животных, сшитая ворсом наружу [23, с.45]. *Көнжырыйк* бытовали примерно в той же этнической среде, что и описанный выше *сарык*.

В целом сибирско-угорские сюжеты в одежде зауральских башкир звучат значительно сильнее и более органично. Формирование **Зауральского КК** в значительной степени связано с генезисом костюма зауральских автохтонных башкир, важнейшей генетической линией которого, совершенно очевидно, являются сибирские, в том числе самодийско-угорские, напластования.

В Восточном этнокультурном ареале выделен **Нагайбакский КК**, который был распространен у крещеных татар-нагайбаков Оренбуржья. Наиболее тесная (генетическая) связь структурных элементов этого комплекса прослеживается с элементами КК казанско-западно-закамских кряшен Центрального этнокультурного ареала. Такая близость наблюдается в идентичности сложных и многочастных комплексов женских и девичьих головных уборов, в покроях и конструктивных деталях нижней и верхней одежды, обуви, украшений, в чрезвычайной близости приемов их декоративно-художественного оформления. Здесь, как видим, речь идет не об отдельных параллелях и аналогах, а о единстве в значительной степени наиболее важных этноопределяющих параметров костюма.

Сравнительно-исторический (синхронный и диахронный) анализ структурных элементов народного костюма, особенностей его декора позволяет констатировать, что финно-угорский компонент составляет один из значимых по этнокультурной наполненности тренд в культурогенезе волго-уральских татар. Он ощутим в казанско-татарских КК, особенно в сельских его вариациях, в комплексах одежды крещеных татар Центрального этнокультурного ареала. В Западном ареале финно-угорская составляющая очевидна во всех КК, особенно в Сергачском. Однако в наибольшей степени финно-угорские, самодийско-угорские традиции обнаруживаются в Зауральском комплексе татарской одежды Восточного этнокультурного ареала, обусловленные этнокультурными контактами тюрков и финно-угров в Урало-Поволжье и опосредованными через башкир сибирскими обско-угорскими, угро-самодийскими связями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 260 с.
2. *Акимова Т.М.* Вышивка саратовских чуваш. Саратов, 1936. 56 с.
3. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н.Г. Рутто. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 92 с.
4. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу // ТИЭ. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 142 с.
5. *Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 171 с.
6. *Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. II. М.-Л., 1949. С.42–61.
7. *Василевич Г.М.* Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. 21. Л., 1963. С.3–64.
8. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.
9. *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 500 с.
10. *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. 191 с.
11. *Крыласова Н.Б.* История Прикамского костюма. Пермь, 2001. 259 с.
12. *Культура Биляра* / отв. ред. А.Х. Халиков. М: Наука, 1985. 223 с.
13. *Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н.* Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С.171–268.
14. *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1977. 183 с.
15. *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 246 с.
16. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 429 с.
17. *Никонова Е.Е.* Орнамент счетной вышивки башкир. Уфа: Гилем, 2002. 237 с.
18. *Прыткова Н.Ф.* Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. М., 1952. С.19–22.
19. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 394 с.
20. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 792 с.
21. *Сафина Ф.Ш.* Ткачество татар Поволжья и Урала. Конец XIX – начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 1996. 204 с.
22. *Суслова С.В.* Женские нагрудники татар Среднего Поволжья и Приуралья как исторический источник // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С.110–129.
23. *Суслова С.В.* Традиционная одежда приуральских татар сер. XIX – нач. XX вв.: к проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в При-

уральском регионе // Приуральские татары. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. С.29–52.

24. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 311 с.

25. *Суслова С.В.* Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по данным народного костюма // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. М.: М: Наука, 2003. С.178–208.

26. *Фасхутдинова Л.Ф.* Золотая вышивка казанских татар. Материалы, технология, орнамент // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. III. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С.74–88.

27. *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 127 с.

28. *Шитова С.Н.* Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии башкир. Уфа: БФАН СССР, 1984. С.9–28.

29. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа Казань: ПИК «Дом печати», 2002. 247 с.

Информация об авторе:

Суслова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5950-8576; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Поступила 26.09.2023

Принята к публикации 16.10.2023

Materials to the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: Finno-Ugric trend in the structure of folk costume

S. V. Suslova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The factual basis of the publication consists of typological and cartographic materials of the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People (volume "Folk costume") and the ethnocultural zoning carried out on their basis, highlighting three distinctive areas. A comparative historical (synchronous and diachronic) analysis of the structural elements of the costume and the features of its decor allows us to state that the Finno-Ugric component, in terms of ethnocultural fullness, constitutes one of the important trends in the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars. It is noticeable in the Kazan-Tatar costume complexes, especially in its rural variations, in the clothing complexes of the baptized Tatars of the Central ethnocultural area. In the Western area, the Finno-Ugric component is also evident in all complexes, especially in the Sergach costume. However, to the greatest extent, Finno-Ugric, Samoyed-Ugric traditions are found in the Trans-Ural complex of Tatar clothing of the Eastern area, due to ethnocultural

contacts of the Turks and Finno-Ugric peoples in the Ural-Volga region and mediated through the Bashkirs by Siberian Ob-Ugric, Ugric-Samoyedic connections.

Keywords: Volga-Ural region, Tatars, Finno-Ugric peoples, costume, arts and crafts

For citation: Suslova S.V. Materials to the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: Finno-Ugric trend in the structure of folk costume. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.80–92. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.80-92> (In Russian)

REFERENCES

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. *Decorative and applied art of the Bashkirs*. Ufa, 1964. 260 p. (In Russian)
2. Akimova T.M. *Embroidery of the Saratov Chuvashs*. Saratov, 1936. 56 p. (In Russian)
3. *Bashkir breast decorations made of corals and coins*. Compiled by N.G. Rutto. Ufa: Central Economics Institute of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2006. 92 p. (In Russian)
4. Belitser V.N. Folk clothing of the Udmurts: materials for ethnogenesis. *Proceedings of the Institute of Ethnography*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 142 p. (In Russian)
5. Valeev F.Kh. *Folk decorative art of Tatarstan*. Kazan: Tatar book Publ., 1984. 171 p. (In Russian)
6. Vasilevich G.M. Tunguska breastplate among the peoples of Siberia. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol.2. Moscow-Leningrad, 1949. Pp.42–61. (In Russian)
7. Vasilevich G.M. Types of footwear of the peoples of Siberia. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol.21. Leningrad, 1963. Pp.3–64. (In Russian)
8. Gribova L.S. *Perm animal style (problems of semantics)*. Moscow: Nauka Publ., 1975. 148 p. (In Russian)
9. Ivanov S.V. *Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries)*. *Peoples of the North and Far East*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 500 p. (In Russian)
10. Ivanova M.G. *Origins of the Udmurt people*. Izhevsk, 1994. 191 p. (In Russian)
11. Krylasova N.B. *History of the Prikamsky costume*. Perm, 2001. 259 p. (In Russian)
12. *Culture of Bilyar*. Ed. by A.H. Halikov. Moscow: Nauka Publ., 1985. 223 p. (In Russian)
13. Kuzeev R.G., Bikbulatov N.V., Shitova S.N. Trans-Ural Bashkirs. Ethnographic sketch of life and culture of the late 19th – early 20th centuries. *Archeology and ethnography of Bashkiria*. Vol.1. Ufa: BFAN USSR Publ., 1962. Pp.171–268. (In Russian)
14. Mukhametshin Yu.G. *Kryashen Tatars. Historical and ethnographic study of material culture. Mid-19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 183 p.

15. Mukhamedova R.G. *Mishar Tatars. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 246 p. (In Russian)
16. Nikitina T.B. *Mari in the Middle Ages (based on archaeological materials)*. Yoshkar-Ola, 2002. 429 p. (In Russian)
17. Nikonorova E.E. *Ornament of counted embroidery of the Bashkirs*. Ufa: Gilem Publ., 2002. 237 p. (In Russian)
18. Prytkova N.F. Types of outerwear of the peoples of Siberia. *Brief reports of the Institute of Ethnography*. Moscow. 1952. Pp.19–22. (In Russian)
19. Rudenko S.I. *Bashkirs. Historical and ethnographic essays*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 394 p. (In Russian)
20. Rybakov B.A. *Craft of Ancient Rus*. USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 792 p. (In Russian)
21. Safina F.Sh. Weaving of the Tatars of the Volga region and the Urals. Late 19th – early 20th centuries. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fan Publ., 1996. 204 p. (In Russian)
22. Suslova S.V. Women's bibs of the Tatars of the Middle Volga and Urals as a historical source. *On the issue of the ethnic history of the Tatar people*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1985. Pp.110–129. (In Russian)
23. Suslova S.V. Traditional clothing of the Ural Tatars. 19th – early 20th centuries: to the problem of ethnocultural zoning of the Tatar ethnic group in the Urals region. *Cisural Tatars*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1990. Pp.29–52. (In Russian)
24. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries). *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fan Publ., 2000. 311 p. (In Russian)
25. Suslova S.V. Ethnocultural zoning of the Tatars of the Volga region and the Urals according to folk costume. *Races and Peoples. Contemporary ethnic and racial problems*. Moscow: Nauka Publ., 2003. Pp.178–208. (In Russian)
26. Faskhutdinova L.F. Gold embroidery of Kazan Tatars. Materials, technology, ornament. *Ethnological studies in Tatarstan*. Vol.3. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. Pp.74–88. (In Russian)
27. Sharifullina F.L. *Kasimov Tatars*. Kazan: Tatar book Publ., 1991. 127 p. (In Russian)
28. Shitova S.N. Finno-Ugric component in the folk clothing of the Bashkirs. *Research on the historical ethnography of the Bashkirs*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 1984. Pp.9–28. (In Russian)
29. Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and issues of their formation. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: House of Press Publ., 2002. 247 p. (In Russian)

About the author:

Suslova Svetlana Vladimirovna – Cand. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5950-8576; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Received September 26, 2023

Accepted for publication October 16, 2023